

ЗА РОДИНУ

№ 71 (471)

Вторник, 28-го марта 1944 г.

Цена 50 коп.

Русская ежедневная газета. Главный редактор Анатолий Стенос. Редакция: Рига, улица Рихарда Вагнера 57. Из освобожденных областей следует писать в газету через Центральную русскую почту: Feldpost Nr. 39609 Ru (Z. R. P.) «За Родину». Деньги за подписку — 16 руб. в месяц (с доставкой по почте) и деньги за объявление (плата за стандартное объявление 30 руб.) переводить почтовым денежным переводом по адресу: Postcheckamt Riga, Konto 337 («Sa Rodinu»)

Придавленные

А. Бестужев.

В нашей классической литературе осталось немало изображений «маленького человека», вроде забытых жизнью Семена Вырина в «Станционном смотрителе» Пушкина, Акакия Акакиевича Башмачкина в «Шинели» Гоголя, Макара Алексеича Девушкина в «Бедных людях» Достоевского. У писателей-гуманистов образы этих несчастных неизменно вызвали участие и сожаление. Но и для Пушкина, и для Гоголя, и для Достоевского было ясно, что судьба их героев характерна все же только для очень небольшой части многомиллионного населения земли русской.

Совсем иначе вопрос о «маленьких людях» встал у нас в советское время. В положении забитого, загнанного и запуганного существа оказался уже не один чиновник 14-го класса, а большая часть всего населения «самого свободного» в мире государства. Вспомним бесчисленное число всяких пишбарышней, библиотечарш и счетоводов, переполнявших советские учреждения. Как скучна, безрадостна и подневольна была их жизнь, если только они не хотели жертвовать своим женским достоинством и превращаться в «помпадурш» партийного начальства.

Вспомним, сколько деловитых и энергичных мужчин не нашло себе места под советскими небесами, потому что у них не оказалось той волчьей хватки, которая требовалась в борьбе за существование в эпоху сталинской диктатуры.

А крестьяне, рабочие? Многие из них наши радость творческого труда, личных достижений? Сколько слабых пошло по протоптанной дорожке к советскому кабаку, или сделались маленькими ловчилами, преданно заглядывавшими в глаза колхозному или профкомовскому начальству?

Нам возражат, что в Советском Союзе были и люди совсем другого типа, целеустремленно и жертвенно работавшие на благо народа. Не отрицаем, что такие люди были, земля наша и в годы большевицкого лихолетья не оскудела героизмом и талантами. Но этих жертвенно настроенных энтузиастов количественно было отнюдь не много, и во всяком случае они составляли не большинство населения. К тому же значительная часть из них становилась жертвой своей прекрасной веры в прогрессивность советского строительства, погибая на процессах всякого рода «вредителей» и «врагов народа», становясь жертвой зависти и карьеризма своих же сотрудников.

Миллионы хороших русских людей должны были гасить в себе порывы и вопросы к лучшей жизни. Миллионы думали только о том, как бы выжить, не умереть с голоду, не попасть в концлагерь, не остаться с «волчьим паспортом». Они молили судьбу не о том, чтобы жить стало легче, а о том, чтобы хоть как-нибудь уцелеть в страшные сталинские времена. Год от года росло у нас число маленьких людей, покорно несших свое большое человеческое горе. В других условиях эти люди были бы хорошими гражданами, талантливыми работниками. Большевик превращал их в обывателей.

В страшные и кровавые годы настоящей войны участь этих обывателей особенно плачевна. Многие из них оказались вырванными с насиженных мест, подхваченными водоворотом катастрофических событий.

Не следует закрывать глаза на то, что значительная часть этого людского потока представляет, по вине большевиков, человеческую пыль, людей с переломанным хребтом и дрожавшими от вечного страха конечностями. Но нельзя забывать также и того, что среди них есть не мало людей, которые могут еще вернуться к настоящей творческой жизни, способны в хаосе и мраке переживать с нами и пережить с нами, пережить с нами страдания от принитого им рабского отношения к действительности. Эти люди смогут быть нашими.

ГЕРМАНСКОЕ КОНТРАНАСТУПЛЕНИЕ У КОВЕЛЯ

Крупные потери большевиков между Днепром и Чаусами

Главная Ставка Фюрера, 27 марта. Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает: В районе нижнего течения украинского Буга отражены атаки советских войск. Попытки противника форсировать реку окончились неудачей.

Между Перемышлем и Балтой германской армией и войсками СС отбиты все атаки противника. В районе среднего течения Днестра нажим противника усилился. Боевые эскадрильи германской авиации причинили наступающему противнику тяжелые потери. Южнее Проскурова германские дивизии ведут особенно тяжелые оборонительные бои. В районе Гаринополя—Ковель атаки советских войск успеха не имели. Северо-западнее Ковеля ведущие контрнаступления германские войска сломали упорное сопротивление противника и продвинулись вперед.

В районе припятских болот на участке Стырь—Горынь отражены повторные атаки противника. Между Днепром и Чаусами крупные силы противника продолжали свои попытки прорвать линию германской обороны. Однако, германские гранатеры, поддерживаемые соединениями авиации, после тяжелых боев отразили все атаки. За два последних дня на этом участке противник потерял более 3.500 человек убитыми, 39 танков, 42 орудия и много других военных материалов.

В районе юго-восточнее Острова латышские добровольческие части СС вместе с германскими войсками отразили атаки нескольких неприятельских дивизий. Местные вклинения претерпели. На нарвском фронте германские гранатеры, поддерживаемые артиллерией, танками, туннелометами и авиацией, прорвали сильные позиции противника и ликвидировали одно вклинение.

Майор Рудель, командир группы одной боевой эскадрильи, уничтожил в южной части восточного фронта за один день 17 танков противника.

На итальянском фронте происходит обоюдно деятельность ударных и разведывательных групп.

На восточном побережье Генуэзского залива, северо-западнее Ла Специя уничтожена высадившаяся американская группа, состоящая из двух офицеров и 13-ти солдат.

После дневных налетов американских бомбардировщиков на юго-восточную Германию прошлой ночью, при сплошной облачности, английские террористические самолеты подвергли нападению некоторые города Рурской области. В результате сброшенных фугасных и зажигательных бомб, особенно в жилых кварталах городов Эссен и Оберхаузен, произведены разрушения. Среди населения имеются жертвы. Во время этого налета и над занятыми западными областями силы германской противовоздушной обороны при очень тяжелых условиях сбили 17 четырехмоторных бомбардировщиков противника.

Семь тысяч воздушных побед

Берлин, 27 марта.

Несколько дней назад бригада германских истребителей под командованием подполковника Модер одержала семитысячную воздушную победу. Только на одном восточном фронте эта бригада сбила шесть тысяч семьсот самолетов.

Сталинские подарки детям

Игрушечная модель танка. Пять тысяч убитых отцов ежедневно

Когда говорят слово «подарок», то этим самым говорят слово «радость». В подарке дорога не его ценность, а именно то чувство, которое заставляет сделать этот подарок. И не даром же, не даром, прелестная русская пословица говорит душевно и тепло: — Не дорог подарок, дорога твоя любовь!..

И Сталин тоже делает подарки советским детям.

Вы простите, читатель, что я имя Сталина ставлю рядом с детьми, но... что я могу поделаться? Я очень хорошо понимаю, что нельзя говорить о небе и сразу же переходить к гниющей падали; нельзя славить милосердие и рядом с ним говорить об НКВД, нельзя восхищаться благородством и непосредственно за этим словом сказать: жид!

Я все это очень хорошо знаю, но... но что же я могу поделаться? Ведь Сталин тоже делает подарки детям. Ведь он распорядился начать кампанию сбора подарков детям фронтовиков и по всему СССР начали собирать эти подарки.

О, я уверен, что русская земля не обезлюдела добрыми, отзывчивыми, чуткими, душевными людьми. Я уверен, что этим детям соберут много хороших вещей: и теплых варежек, и ботинок, и шапок - ушанок, и вязаных рейтузиков, и белья, и штанишек... Соберут им и игрушки, и картинок, и книжек!.. Соберут ли лакомств? Этого я не знаю. Вряд ли есть у людей в СССР лакомства!.. А если и есть они где-нибудь в очень и очень закрытых распредах, если там найдутся плитки

шоколада, пряники и мандарины, то они, конечно, достанутся Берточкам и Арончикам, Кларочкам и Соломончикам.

Но Бог с ними, с лакомствами! Хоть и без лакомств, но русские дети тоже получают подарки! Их глазенки тоже вспыхнут счастьем, их щечки тоже зардеют от радости и их дыхание тоже прервется от восторга... Добрые люди соберут для них подарки!

Добрые люди?... Да! Добрые люди, — конечно!

А что подарит детям фронтовиков Сталин?

Во всеоружии политики своей он подарит им то, что он дарит им каждый день: — Смерть их отцов!

Смерть отцов — вот сталинский подарок сыновьям фронтовиков!

Займемся немного арифметикой. На Тегеранской конференции Сталин назвал цифру советских потерь: 20 миллионов! Со дня начала войны до Тегеранской конференции прошло приблизительно 900 дней. Сколько же в среднем теряла Красная армия в день? Разделим 20 миллионов на 900 и узнаем: круглым числом 22 тысячи в день. 22 тысячи убитых, раненых и погибших без вести! 22 тысячи! И из этого числа не меньше 5 тысяч убитых!

Вот подарок, который Сталин делает ежедневно русским детям! 5 тысяч детей каждый день становятся сиротами.

В день Красной армии Сталин, улыбаясь притворной улыбкой, подошел к какому-то вышколенному и выдрес-

Юго-восточнее Витебска немецкие гранатеры переходят в контратаку, чтобы ликвидировать неприятельское вклинение

Германские и румынские войска в упорных боях разгромили советский десантный плацдарм у Керчи. На снимке — советское залповое орудие, установленное на канонерке, захваченной немцами

„Я отказываюсь сражаться за Англию“

Протест индусского журналиста

Английский журнал «Нью Лидер» поместил недавно статью индусского журналиста Суреш Вайдия, лондонского корреспондента двух американских журналов «Тайм» и «Лайф», «под заголовком: «Я отказываюсь сражаться за Англию». Этот индус-журналист немедленно был посажен в тюрьму англичанами за свой отказ «умирать за Англию».

Суреш Вайдия в своей статье пишет, что английская пропаганда приписывает, все что только возможно, Германии и Японии, умышленно замалчивая о том, как именно сама Англия заставляет иностранцев сражаться за британские интересы. Журналиста особенно возмущает тот факт, что Англия без всякого стеснения насильно мобилизует индусов.

«Я сам, — сообщает журналист, — получил повестку явиться на сборный пункт, но вернул ее с благодарностью, заявив, что сражаться за англичан, захвативших мою страну, я не намерен. Если Англия хочет сохранить свою мировую гегемонию, то англичане должны сражаться за это сами, а не посылать в бой иностранцев. Это верно, что англичане рассматривают нас, индусов, как своих подданных, но спросили ли они наше согласие на это? Каким я буду бойцом,

если я знаю, как англичане обращаются с моим народом в Индии! Наши вожди в тюрьмах, все наши организации запрещены, жителей расстреливают, бьют, морят голодом, подвергают воздушным бомбардировкам не только мужчин, но и женщин с детьми. С начала войны англичане вывезли из Индии почти все продовольствие, тем самым обрекая на голод миллионы индусов.

Я был бы плохим патриотом и индусом, если бы согласился встать в ряды английской армии — так закончил свою статью Суреш Вайдия.

Н. С.

Большая победа

Берлин, 27 марта.

Германские ночные истребители, сбившие во время последнего налета на Берлин 112 английских террористических бомбардировщиков, достигли этим новой серьезной победы. Английское агентство Рейтер, обычно сразу сообщавшее число потерянных бомбардировщиков, на этот раз ограничилось краткой фразой, что «потери, повидимому, очень велики».

Как известно, по прежнему опыту, общие потери террористических бомбардировщиков обычно бывают на пятьдесят процентов больше указанных в германской сводке, так как многие самолеты гибнут за пределами территории Германии или же во время посадки разбиваются от поврежденных, полученных в бою. Эти потери германской сводкой не учитываются. Поэтому следует полагать, что всего за время данного налета англичане потеряли свыше ста пятидесяти самолетов, то есть около четверти всех машин, участвовавших в операции. Эти потери являются рекордными для ночного налета.

Успех немецких зенитчиков

Берлин, 27 марта.

Десять английских торпедоносцев атаковали немецкий караван судов, шедший вдоль берегов Норвегии. Судовая зенитная артиллерия открыла такой сильный заградительный огонь, что вражеские самолеты были лишены возможности сбросить торпеды. Три торпедоносца почти одновременно рухнули вниз и погрузились в воду. После этого остальные самолеты, по большей части значительно поврежденные, повернули назад.

Противоречат сами себе

Берлин, 27 марта.

В связи с тяжелым поражением, понесенным английской авиацией во время налета на Берлин 24-го марта ночью, английское радио сообщило, что германская противовоздушная оборона значительно усилилась. Вместе с тем, всего только три дня тому назад лондонское же радио нагло заявляло, что «германская противовоздушная оборона как будто бы стала слабее».

Белорусская самооборона

Минск, 27 марта.

По всей Белоруссии с большим успехом прошел призыв белорусской самообороны, основанной по указу президента Белорусского центрального совета. Мужчин призывного и непризывного возраста явилось настолько много, что часть из них пришлось отпустить по домам. Молодое войско размещено по казармам и ждет своего первого выступления. Белоруссы твердо намерены раз навсегда покончить со зловещими шакалами, которые, по приказу Сталина, прикрывшись коммунистическими лозунгами, разбойничают в лесах Белоруссии.

Н. В. Торопов.

УПОРНАЯ БОРЬБА НА ЮГЕ

Под Витебском бои ослабли

Главная Ставка Фюрера, 26 марта. Верховное командование германских вооруженных сил сообщает:

на южном участке украинского Буга отбито несколько вылазок советских войск и отражены их попытки форсировать реку.

На всем фронте между первой и второй линией, расположенной восточнее Брод, германские войска вели тяжелые оборонительные бои, в ходе которых эвакуированы города Балта и Проскуров. У Тарнополья германские танковые соединения в решительной атаке уничтожили 25 неприятельских орудий.

Между Днепром и Чаусами несколько советских дивизий и танковых соединений, после яростной артиллерийской подготовки, перешло в атаку. Германские войска в тяжелых боях добились полного оборонительного успеха. Местные вклинения ликвидированы отважными контрударами. Вклинившийся неприятель уничтожен в рукопашном бою. Юго-восточнее Витебска советские войска, вследствие тяжелых потерь, понесенных в предыдущие дни, вели лишь тыловые атаки местного значения.

На Дальнем Севере, на участке Кандакши, отбиты неприятельские атаки.

В Италии, у Кассино, отражены атаки сильных ударных отрядов противника, ведшихся при поддержке артиллерии. Противник понес тяжелые потери.

На остальных фронтах отмечены лишь операции разведчиков и ударных отрядов с обеих сторон.

Единичные неприятельские самолеты прошлой ночью появлялись над территорией западной Германии и районом Берлина.

КРЫМ СТАЛ КРЕПОСТЬЮ

Бои без передышки

В результате германских отходных мероприятий на южном участке восточного фронта, «крепость Крым» превратилась в самый южный и далеко выдвинувшийся вперед фланговый опорный пункт. Все попытки советских войск прорвать германские позиции у Керчи или переправиться через Сиваш до сих пор остались безрезультатными.

Там, где главная германская оборонительная линия делает поворот и, удаляясь от тесно прижатых друг к другу домов, несколько сот метров тянется вдоль железной дороги, — расположен кирпичный завод, который в этом районе является главной целью советских устремлений. Позадитяется ограниченное с юга высокой железнодорожной насыпью открытое снарядными полями. Советское командование хочет овладеть этим районом в первую очередь. Оно непрерывно пытается войти здесь клин в германскую оборону.

Сырой терозем весь перепахан бомбами, снарядами и гранатами. В окопах, до половины наполненных из-за дождей жидкой грязью, и в тесных ямах, защищенных от непогоды лишь брезентом, протекает суровая жизнь германских гренадеров. Здесь они борются, здесь они едят и спят в перерывах между боями.

Правда, в Крыму нет трескучего мороза, нет и глубокого снежного сугроба. Однако, холодный ветер, беспрестанно свистящий над степью, заставляет коачеть руки и ноги, а испаряющаяся из почвы влага пропитывает одежду сыростью. Весь день германские гренадеры проводят в своих окопах и землянках. Только при наступлении сумерек, когда становится трудно различить предметы на близком расстоянии, и ночь, окуты-

вая все своим таинственным мраком, приходят на помощь человеку, на передовых позициях начинается некоторое оживление. Раненых товарищей отправляют в тыл, а из тыла приходят с нетерпением ожидающиеся еда и письма с родины.

Противник знает это, и поэтому в вечерние часы неприятельские минометы усиливают стрельбу.

В рядах крымских борцов на самых передовых линиях можно встретить много татар. Они стали неизменными соратниками германских солдат.

На этом опасном участке фронта, близ кирпичного завода, всегда беспокойно. Когда же ранним утром противник начинает посылать одну за другой тяжелые гранаты, вырывающие в земле новые и новые воронки, когда залповые орудия открывают ляцшийся несколько часов ураганный огонь по германским окопам, когда неприятельские минометы разнообразных калибров рассу-

пают свои мины по всей территории германской обороны, — тогда и новичок, в первый раз переживающий огневую подготовку, ясно понимает, что сейчас начнется атака. Так было и вчера: как только умок ураганный огонь советских орудий, через железнодорожную насыпь прокатилась первая волна атакующей пехоты. Сделав перебежку, советские бойцы нашли прекрасное прикрытие в виде тянущейся перед германскими позициями долины. Начался ожесточенный бой ручными гранатами. Германские пулеметы сметают каждого, кто осмеливается подняться на дорожную насыпь. Все больше тают группы перебегающих через нее красноармейцев. Развившись об ожесточенное сопротивление германских гренадеров атака ослабевает. Когда наступают сумерки, оставшиеся в живых неприятельские бойцы поспешно возвращаются за насыпь. На месте недавнего боя остаются лишь трупы и стонущие раненые.

Грубые нарушения международного права

Англичане расстреливают рыбацки шхуны

Берлин, 24 марта.

Англичане продолжают грубо нарушать международное право. Четыре английских самолета обстреляли небольшие греческое судно около острова Корфу. Судно пошло ко дну. Самолеты продолжали обстреливать людей, оставшихся в живых и плывших по направлению к берегу. Подозный же случай отмечен у Пелопон-

неса, где пять британских эсминцев и быстроходных катеров расстреляли две рыбацки шхуны. И на этот раз англичане продолжали обстреливать людей, пытавшихся спастись впасть.

Что все это происходит не случайно, а по явному приказу английских властей, видно из того, что англичане придерживаются той же тактики у берегов Норвегии. Так, на днях бомбардировке подвергся маленький норвежский пароход каботажного плавания «Рифильк». Вскоре после этого торпедировано и потоплено безоружное норвежское суденышко «Норд-Норге». Судно потонуло. Спасти удалось лишь одному пассажиру.

Неудавшийся репортаж

Предпринимчивый английский репортер Джон Мак Вен решил заработать. Он предложил Нью-Йоркскому радио предложить в Лондоне звуковой репортаж о германском воздушном налете. Согласно он добился.

Завыли сирены. Все население города в панике побежало в убежища, лишь Мак Вен, в оживлении блеетущей прильи, радостно потирая руки... По трансатлантическому кабелю была налажена связь Нью-Йоркского радиопередатчика с микрофоном Мак Вена. Затаяв дыхание, американские любители сенсаций включили свои аппараты и настрожили уши.

Передача началась...

«Я говорю с крыши одного из самых больших домов Лондона. Воздушный налет начался. Я хочу уловить в микрофон весь шум, сопровождающий налет, чтобы вы могли услышать, как все происходит. Вдали я уже слышу грохот, но вокруг пока ничего не случилось. Грохот усиливается...»

После этих слов радиоприемники пораженных слушателей издали непонятный шипящий звук и... все стихло. «Храбрый» репортер порвал провода, запутавшись в них ногами, когда скатывался по лестнице в бомбоубежище.

Ясь.

«Свобода печати» Бадольо

Рим, 25 марта.

Четыре месяца прошло с тех пор, как маршал Бадольо решил ввести в южной Италии свободу печати. Однако, как доказывает действительность, это были только слова. В настоящий момент на 10 миллионов, населяющих южную Италию, имеется всего две ежедневных газеты.

Со всего света

Лиссабон. — На одном из крупнейших пробочных заводов Португалии возник огромный пожар. Завод сгорел до тла. Убытки достигают 10 миллионов марок.

Женева. — В картинной галерее, находящейся в Нью Джерси, в Америке, возник пожар, уничтоживший исключительно английские картины и гравюры, привезенные туда для сохранения от воздушных налетов.

Стокгольм. — В городе Бельфасте, в Англии, ширится забастовка на верфях и авиазаводах. К забастовке присоединилось две тысячи рабочих заводов, изготовляющих боеприпасы. Волнения происходят также среди английских сельскохозяйственных рабочих.

Лиссабон. — Недалеко от побережья Португалии, в густом тумане, на скалы наскочил и затонул испанский рыбацкий пароход. Команда в тринадцать человек спаслась, достигнув берега впасть.

Женева. — В одном из крупнейших угольных районов северной Англии забастовало свыше двенадцати тысяч рудокопов, не удовлетворенных решением третейского суда по вопросу о заработной плате. Всего на угольных копях северной Англии теперь баствует 35 тысяч рабочих.

Амстердам. — В городе Хайфе, в Палестине, в главном полицейском управлении, произошел сильный взрыв. Здание совершенно разрушено. Пострадали и соседние дома.

Милан. — По случаю двадцатипятилетия со дня основания фашистской партии, по всей северной Италии были проведены торжественные собрания.

Тяжелая ночь Гулля

Германские бомбардировщики над Англией

Целью германского налета был английский порт Гулля, расположенный в районе устья реки Хубер.

Восемь тяжелых бомбардировщиков один за другим стояли на краю стартовой дорожки, асфальт которой широкой, прямой, как стрела, голубоватой полосой, ясно выделялся на зеленом фоне покрывавшей аэродром травы. Накапывал мелкий, как из сита, дождичек, и сквозь его сетку там и здесь проникали лучи тусклого, затемненного фонарей. Далеко впереди вспыхнула зеленая стартовая лампа, и наш самолет, сделав вместе с другими короткий пробег, оторвался от земли и окупнулся в сырой мрак весенней ночи.

Тяжело груженные бомбами, самолеты взяли курс к морю. Там, где английский побережье делает крутой поворот на запад, там, где холодные волны Северного моря разбиваются о скалистые берега Британии, расположено город Гулля. Германские эскадрильи летели на очень большой высоте. Под нами растилась бесцветная гладь моря. Где-то вдали, прорезая воздух, желтым шариком прокатился по небу трескающая пуля. Можно было опасаться нападения ночных истребителей. Все упорно

всматривались в темноту, чтобы вовремя уловить неясную тень врага. Вдруг с правой стороны на небе вспыхнула светящаяся точка. Она быстро росла и ее яркие лучи осветили все окружающее. Осветительная ракета! На побережье стали зажигаться осветительные столбы прожекторов, которые постепенно клонились в нашу сторону. Это было сигналом для ночных истребителей неприятеля. И они не заставили себя долго ждать. «Ночные истребители справа!» — крикнул наблюдатель. Самолет, круто метнувшись в сторону, перешел в вираж и опрокинувшись через правое крыло, увернулся от противника.

Море отсталось позади. Наши самолеты летели уже над Англией. От Нарвича до Гулля, куда ни взгляни — всюду по небу ползут белые щупальцы прожекторов, то скрещиваясь, то снова расходясь. Наш самолет время от времени попадает в полосу ослепительного света и тогда пилот принужден, несмотря на перегруженность машины, к самым головокружительным трюкам высшего пилотажа, чтобы вырваться из опасной зоны. Кругом рвутся бесчисленные снаряды всевозможных калибров.

Мы слишком рано достигли своей

цели. Указанное в приказе время бомбардировки, еще не наступило. Это было самым тяжелым временем — тупое ожидание среди разрывов неприятельских снарядов, фейерверка ракет и светящихся пуль. Однако, приказ остается приказом. Медленно ползут минуты. Под нами блестящая поверхность реки Хубер, которая мощно вливает свои воды в Северное море. На ее берегах расположен город. Там чернеют строения доков, портовых сооружений, складов. Довольно холодно. Наконец настает долгожданный срок. Самолеты меняют курс и начинают бомбардировку. Внизу хаос разрывов, огня, дыма. Медленно расплозаются оранжево-желтые языки пожаров. Последняя бомба отделилась от самолета. Пролетав еще несколько головоккружильных трюков, наш самолет, наконец, вырвался из зоны обстрела и достиг моря.

Обратный полет длился не долго. Наконец самолеты один за другим тяжело приземляются на своем аэродроме. Усталые, но возбужденные еще всем пережитым, летчики делаются впечатлениями. Через несколько часов в штабе уже известно, что Гулля пережил сегодня тяжелую ночь.

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

— Мы, ведь, бомбардируем только жилые дома, а они портовые сооружения. Я так не играю!

Иван Солоневич

Товарищ Королев, при его партийной книжке в кармане и при нагане на боку, тоже по существу уже перешел в категорию удобрения. Еще, конечно, он кое-как рипается и еще говорит душещепательные слова о жертве или о сотне тысяч жертв для бесмыслицы Беломорско-Балтийского канала. Если бы он несколько более был сведущ в истории, он, вероятно, козырнул бы давностовским: «революция — Сатурн, пожирающий своих детей». Но о Сатурне товарищ Королев не имеет никакого понятия. Он просто чувствует, что революция жрет своих детей, и, впрочем, с одинаковым аппетитом она лопает и своих отцов. Сколько их уцелело — этих отцов и делателей революции? Какой процент груза знаменитого запломбированного вагона может похвастаться хотя бы тем, что они в сделанной ими же революции ходят на свободу. И сколько детей революции, энтузиастов, активистов, Королевых, вот так, собравшись и прихрамывая, проходят свои последние безрадостные шаги к могиле в какой-нибудь ББК'овской трясины? И сколько существует в буржуазном мире карьеристов, энтузиастов, протестантов и лоботрясов, которые мечтают о мировой революции и которых эта революция так же задает и сгонит, как задает и сгоняла тысячи «отцов» и миллионы «детей» великая российская революция. Это — как рудетика. Люди идут на почти математически верный проигрыш. Но идут. Из миллионов — один выигрывает. Вероятно, выиграл Сталин и еще около десятка человек... Может быть, сотня... А все эти Королевы, Чекалины, Шацы, Подмоклое и... Бессмыслица...

Баба с ребятами повезли. Чорт его знает, то их выгружают, то снова на баржи сажают — дня уже три тут маринуют. — А что это за бабы? — Да раскулаченные какие-то. Как следует не знаю, не пускают к ним. Моторка обогнула обе баржи и пристала к бревенчатой набережной. Я респонсачал с капитаном и вышел на высокую дамбу. За дамбой была небольшая луговина, покрытая, точно цветами, яркими пятнами кумачевых и ситцевых рубах копошившейся на траве детворы, женских платков и кофт, навальных тут же добротных «кулацких» сундуков, расписанных пестрыми разводами и окованных жестью. С моей стороны — единственной стороны, откуда эта луговина не была окружена водой — угромо стояло десятка полтора вохровцев с винтовками. Уже стоял медгорский автобус с тремя пассажирами — в их числе оказались знакомые. Я сдал им на хранение свой рюкзак, достал свои по истине незаменимые папиросы и независимо, закуривая на ходу, прошел через вохровскую цепь. Вохровцы покосились, посторонились, но не сказали ничего. Я подылся на дамбу. Одна баржа была битком набита тем же пестрым цветничком рубах и платков, другая стояла пустой. На обращенном к луговине скате дамбы, где не так пронизывающе дул таежный ветер, сидело на своих сундуках, узлах, мешках несколько десятков баб, окруженных ребятами поменьше. Остальная часть табора расположилась на луговине... Сорокалетняя баба в плотной ватной кофте и в рваных мужицких сапогах сидела на краю в компании какой-то старухи и девочки лет десяти. Я подошел к ней. — Откуда вы будете? — Баба подыла на меня свое каменное, навалившееся лицо. — А ты у своих спрашивай, свои тебе и скажут.

— Вот я у своих и спрашиваю. Баба посмотрела на меня с той же ненавистью, молча отвернула окаменевшее лицо и усталила на табор; старуха оказалась словоохотливее: — Воронежские мы, родимый, воронжеские... И курские есть, есть и курские, больше вот там, на барже. Сидим вот тут на холоду, на ветру, намаялись мы и — Господи! А скажи, родимый, отправляют-то нас когда будут? — А я, бабушка, не знаю, я тоже вроде вас — заключенный. Баба снова повернула ко мне свое лицо: — Арестант, значит? — Да, арестант. Баба внимательно осмотрела мою кожанку, очки, папиросу и снова отвернула к табору: — Этаких мы знаем... Арестанты... Все вы — кагорное семя. При царе не ведали вас... Старуха испуганно покосилась на бабу и несохлимыми птычьими своими руками стала опрашивать платочек на головке девочки. Девочка прильнула к старухе, ежась то ли от холода, то ли от страха. — Третьи сутки вот тут маемся... Хлеба вчера дали по фунту, а сегодня ничего не евши сидим... И наменяли бы где — так солдаты не пускают. — Наменять здесь, бабушка, негде — все без хлеба сидят... — Ой, грехи, Господи, ой, грехи... — Только чьи грехи-то — неизвестно, — сурово сказала баба, не оборачиваясь ко мне. Старуха с испугом и с состраданием посмотрела на нее. — Чьи грехи — Господу одному и ведомо. Он. Праведный, все рассудит... Горя-то сколько выпито — ай, Господи Боже мой, — старуха закачала головой... — Вот с весны так маемся, ребит-то сколько перемерло. — И слышав свой голос до шопота, как будто рядом сидящая баба не могла слышать, конфиденциально сообщила: — Вот у бабоньки-то этой двое померло. Эх, сказали люди — на миру и смерть красна, а, вот ехали мы на барже этой проклятой, мрут ребятами, как мухи, хоронят негде, так, без панасиды, без христианского погребения — просто на берег; да в яму. Баба повернулась к старухе: «м-м-м-м уж» — голос ее был озлоблен и глух. — Почему это вас с весны таскают? — А кто его знает, родимый? Мужиков-то наших с прошлой осени на высылку послали, нас по весне забавали к мужикам ве-

зут, на поселение то-есть, да, видно, потеряли их, мужиков-то наших, вот так и возют... Там, за озером, пни мы корчевали, где поставили нас песок копать, а то больше так на этой барже и живем... Хотя бы Бога побоялись, крышу бы какую на барже издалека, а то живем, как звери лесные, под ветром, под дождем... А не слышал, родимый, куда мужиков-то наших поместили... Так называемые «вольно-ссылные поселения», которыми заведывал «колонизационный отдел ББК», тянулись сравнительно узкой полосой, захватывая повенское и сежское отделения. Таких поселений было около восьмидесяти. От обычных «лагерных пунктов» они отличались отсутствием охраны и пайка. ГПУ привозило туда ссыльных крестьян — в большинстве случаев с семьями — давало «инструменты» — топоры, косы, лопаты, по пуду зерна на члена семьи «на обзаведение» — и дальше представляло этих мужиков их собственной участи. Я очень жалею, что мне не пришлось побывать ни в одном из этих поселений. Я видел их только на карте «колонизационного отдела», в его планах, проектах и даже фотографич... Но в «колонизационном отделе» сидела группа интеллигенции того же типа, которая в свое время сидела в свирском лагере. Я лишен возможности рассказать об этой группе — так же, как и о свирлагской... Скажу только, что, благодаря ее усилению, эти мужики попадали в не совсем безвыходное положение. Там было много трюков. По совершенно понятным причинам я не могу о них рассказывать даже и с той весьма относительной свободой, с какой я рассказываю о собственных трюках... Чувственная физическая выносливость и работоспособность этих мужиков, та ограда, которую они получили со стороны лагерной интеллигенции — давали этим «вольно-ссылным» возможность как-то стоять на ноги — или, говоря прозаичнее, не помереть с голоду. Они занимались всякого рода лесными работами — в том числе и что вольному найму — для лагеря, ловили рыбу, снабжали ленинградскую кооперацию грибами и ягодами, промышляли silky охотой и с невероятной быстротой приспособлялись к непривычным для них условиям климата, почвы и труда. Поэтому я сказал старухе, что самое тяжелое для них — уже позади, что ихних мужиков рано или поздно разыщут и что на новых местах можно будет как-то устроиться — плохо, но все же будет можно. Старуха яздохила и перекрестилась.

— Ох, уж дал бы Господь... А что плохо будет, так где теперь хорошо? Что там, что здесь — все одно — голод. Земля только тут чужая, хомодная земля, что с такой земли возьмешь? — В этой земле — только могилы копать, — сурово сказала баба, не проявляя к своим сообщениям никакого интереса. — Здесь надо жить не с земли, а с леса. Карельские мужики в старое время богато жили. — Да нам уже все одно, где жить-то, родимый, абы только жить дали, не мучили бы народ-то... А там, кошь в Сибирь, кошь куда. Да разве-ж дадут жить... Мне-то, родимый, что? Зажилась я, не прибавляет Господь, А которым жить бы еще, да жить... — Молчи уж, сколько разов просила тебя, — глухо сказала баба... — Молчу, молчу, — заторопилась старуха. — А все — вот поговорила с человеком — легче стало: вот, говорит, не померем с голоду-то, говорит, и здесь люди как-то съжили... У пристани раздался резкий свисток. Я оглянулся. Тула подошла новая группа Вохра — человек в десять, а во главе ее шел кто-то из начальства. — А ну, бабы, на баржу грузись, к мужикам своим поедете, медовый месяц сирывать... — А вы кто здесь такой? — подозрительно спросил меня командир. Я равнодушно поглядел на него взглядом — Инструктор из Медгоры... — А-а, — неопределенно протянула начальник и прошел дальше. — А ну, собирайся живо, — прокатывался его голос над толпой баб и ребятшек. В толпе послышался детский плач. — Уже четвертый раз грузимся — то с баржи, то на баржу, — сказала старуха, суеливо подымаясь. — И чего они думают, прости Господи... Утромный вохровец подошел к ней. — Ну, давай, бабуся, подсоблю... — Ой, спасибо, родимый, ой, спасибо, все руки себе понадрывали, разве бабы-е силы хватят... — Тоже — панабировали барахла, камни у тебя тут, что-ли? — сказал другой вохровец...

(Продолжение следует)

Сын своей родины

Каким должен быть русский человек

В ходе войны миллионы русских людей оказались сейчас за пределами своей родины. Положение эвакуированных заставляет нас не только лишь раз подумать о своем будущем, но и оглядеться на себя сейчас, определить свое лицо и свое поведение на чужбине.

Это положение налагает на нас особую обязанность всегда и везде поддерживать достоинство и честь русского человека.

Заставить уважать себя может только тот, кто умеет уважать других, и вот почему уважение к обычаям и законам той страны, где мы живем, является первейшей нашей обязанностью.

Никто из эвакуированных не в праве думать, что это поведение — сугубо личное дело. Мы не можем проходить мимо проявления распушенности, грубости, лени, позорящих имя русского человека в глазах европейских наций.

Чего стоит, например, такой факт, когда один из эвакуированных в Минтавский уезд с наглой развязностью заявил:

— Что я — работать сюда приехал? Мне только войну переждать, кончится война и поеду к себе домой!

Этот советский выродок не понимает одного, что если останется сталинская власть, то поедет он никак не домой, а прямо в Соловки, если не дальше. Это даже не «святой простота», это — наивность дегенерата придающая в сочетании с советским гонимым омерзительный облик отдельным лицам из числа эвакуированных.

Ничем не лучше и другой сорт людей, готовых отречься вовсе от своей нации, языка и обычаев, готовых раствориться в любой стране, лишь бы не называться русскими.

По существу — и те и другие — это две стороны одной медали, выпуска октября 1917 года, когда торжествующее еврейство объявило вне закона все национальное, русское и поставило на страже своих интересов кровавожадного цербера ВЧК.

Истинный сын своей родины, где бы он ни находился, живет только одной мыслью — о России. Любовь к родине побуждает его внимательно присматриваться к другим нациям, к другой культуре, чтобы впитать в себя самое ценное и перенести его потом домой, обогатить отечество высшими проявлениями человеческого гения и духа.

Можем ли мы забыть слова, сказанные когда-то под Полтавой:

«А о Петре не думайте, ему жизнь е дорога, жила бы только Россия».

Но разве не Петр Великий работал с топором на Саардамской верфи под видом плотника Петра Михайлова?

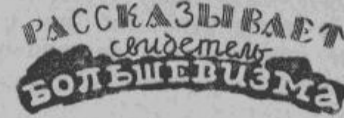
Титаническая воля Петра стерла с России облик азиатчины, но рабская косность, наследие татарщины, не были уничтожены до конца.

Губительная политика царизма с его походами на Царьград оставляла наш народ в рабстве и невежестве, тянула его назад, подальше от больших европейских дорог. Русскому народу, безграмотному и забитому, приписывалась роль «народа-богоносца», призванного сказать Европе какое-то новое слово, возвестить «правду с востока». Эта ложно понятая самобытность привела к тому, что в октябре 1917 года Россия попала в еще худшее рабство, чем татарщина.

Свержение большевизма — это не только прекращение ненужной русскому народу войны и изгнание паразитической еврейской касты. Это — возрождение России к новой жизни, это окончательное уничтожение следов азиатчины, это — завершение великих преобразований Петра.

Россия должна быть и будет европейской державой, достойным членом великой культурной семьи. Во имя этого живет, работает и борется сейчас истинный сын нашей родины.

С. К.

На страже закона

В августе месяце 1940 года я был назначен начальником топливного склада при станции Г... в западной Белоруссии.

Подписывая мне направление, начальник паровозного отделения предупредил, что склад является одним из самых отстающих и мне, как человеку военному, поручается наладить его работу.

Через три месяца склад выдвинулся, занял первое место по всей дороге и на протяжении последующих полутора лет не уступал никому в первенстве.

Помимо ежемесячных премий за экономию топлива и использование отходов (шлакоотсев, изгарь, опилки), к каждому высокотожественному дню я получал благодарности за отличную постановку работы и денежные премии.

За несколько месяцев перед войной на склады дороги непрерывным потоком стал поступать донецкий уголь. Готовясь к войне с Германией, большевики стремились создать при каждой станции запасы топлива, и правление дороги, не считаясь с возможностями складов, гнало на склад эшелон за эшелон.

На мой склад, рассчитанный на 12 тысяч тонн угля, было прислано одновременно 25 тысяч тонн. Склад, работающий сутки, не успевал перерабатывать весь этот поток угля. Стационарные и запасные пути были забиты эшелонами, неделями простаивавшими в ожидании разгрузки.

Важное государственное задание. Выполнить его предлагалось в самые сжатые сроки, в противном случае

Меня дергали и подгоняли со всех сторон: по два-три раза в день вы-

зывали в НКВД, к прокурору, к прямому проводу; угрожали, просили не сорвать государственной важности дела и... никто никакой помощи мне не оказывал, предоставив право самому выкручиваться из этой ловушки.

Задача казалась непосильной: как на площади, рассчитанной на 12 тысяч тонн угля, разместить 25 тысяч тонн двенадцати различных марок, не допуская их смешения.

В середине мая я рапортовал, что задание выполнено. Управление дороги за отличное выполнение возложенной на меня задачи вынесло мне благодарность, премировало двухмесячным окладом жалования и путевкой в дом отдыха.

Через несколько дней приехал прокурор дороги и вызвал меня к себе.

— Долго собираешься еще безобразничать? — в упор задал он мне вопрос.

Я недоумевал: — В чем дело?

— Давно я собирался тебя упечь куда следует за твою работу, только материала не хватало. А теперь прилетела тебе посылка.

— За что же?

— За простой вагонов... За этот год на твой склад наложено сорок тысяч рублей штрафов.

Я молча протянул ему последний приказ управления дороги о премировании меня за отличную работу.

Пробежав мельком приказ, он мельком бросил:

— Это дело дороги, а я представитель закона и обещаю тебе, что через лет ты от меня заработаешь — и он начал официальное следствие.

От обещанных десяти лет меня избавили немцы.

К. Кадиев.

Советская СТАТИСТИКА

Удивительная вещь — статистика. Вся она основана на цифрах и говорит только цифрами, а цифры ведь, как известно, лгать не могут. Дважды два есть четыре, как бы диалектика ни уродовала таблицу умножения и какому бы коммунизму ни служила эта таблица.

Статистика должна отражать жизнь. Так мы привыкли подходить к статистике, и такое требование обычно предъявляем к ней. Если, например, статистика царских времен говорила, что на каждого жителя России приходится в год 8 ведер выпитой водки, а на 1000 жителей приходится всего лишь один студент, то мы делаем вывод: страна пьяная, а университетов в ней мало.

Но со статистикой в СССР буквально не справились: она во всем расходится с жизнью. Жизнь твердит одно, а статистика рисует совсем другое. Впрочем, статистика в СССР была ведь, как и все прочее, лишь орудием классового боя, и поэтому главным ее назначением было не отражать жизнь, а славословить советские горьки. Поэтому в ее руках истина становилась дождем, ложь — истиной, уродство — красотой, тьма — светом, НКВД — источником милосердия, а Сталин — гением. Статистика, например, утверждала, что по железу СССР еще в 1935 году вышел на первое место в Европе, а все мы знаем, что купить килограмм гвоздей было трудно. Или — другой пример: по производству обуви, гласит статистика, СССР стоит на первом месте. А кто из нас не помнит пустых обувных магазинов, орды очередей перед ними в те дни, когда туда завозили 50—70 пар обуви, и наши погони за парой башмаков по всякому толкучку и, конечно, втридорога.

Цифры советской статистики поразительны. Они вешали всегда только о победах. Но реальная жизнь была еще поразительнее: она всегда свидетельствовала только о поражениях. Получалось весьма недумно: чем больше продуктов по статистике вырабатывала социалистическая промышленность, тем меньше в жизни их было для населения. Электроэнергии, например, в 1929 м году было выработано только 6 миллиардов киловатт-часов, а в 1937-м — целых 36 миллиардов. Очень хорошо. Но как раз с 1937 года было запрещено пользоваться электронагревательными приборами, было уменьшено освещение городских улиц, сокращено число лампочек в театрах, в кино и даже в

цехах, а взамен того были развешены плакаты: «Берегите электроэнергию». Возьмем для дальнейших примеров не материальную, а, так сказать, духовную сторону советского общества. В 1913-ом году было только 8 миллионов учащихся разных школ, а в 1938-ом году их стало 29 миллионов. Рост. Рост. Успех. Успех. Но ведь как раз с 1938-го года все советские газеты начали кричать о вопиющей безграмотности.

Текстильная промышленность выросла в 12 раз... а кто мог купить себе 2—3 метра ситца? Только в одной Москве было зарегистрировано 15 тысяч писателей, а ни одной мало-мальски талантливой книжки написано не было. Рыбы в 1937-ом году наловили в 3 раза больше, чем в 1912-м году, а

даже простую воблу достать было трудно. Газет «здавалось» такое множество, что им и счет потеряли, а узнать, что делается на свете Божьем, было совершенно невозможно...

Такова была советская статистика и такова была советская жизнь. Обман, построенный на обмане, подпёртый обманом и прикрытый сверху обманом же, — вот что такое советская действительность и статистика, отражающая ее.

Но давно ведь известно, что хотя обманом можно и весь свет пройти, но назад нельзя вернуться: следы потеряются.

Потеряются следы и советской власти. И скоро они уже потеряются, недолго осталось этого ждать.

Н. В. Торопов.

Счастливое детство

Мы много раз читали в советской прессе о широком (и успешном — заключают газеты) применении на фабриках и заводах СССР детского труда. Не один раз попадались нам хвалебные очерки «собственных корреспондентов» «Известий» и «Правды», восхищенно рассуждающие о первыполнении «взрослых» норм выработки «фронтными молодежными бригадами, скомплектованными из 10-15-летних подростков. Однако, один из очерков этого рода обратил на себя наше особенное внимание

«...Одиннадцатилетний подросток (какой же это подросток? Мальчик! В.) явился во Владивостокское управление Пароходства и сказал:

— «Хочу быть моряком!»

Что ему ответили? Погладили по голове, похвалили и спросили: почему он сегодня не в школе?

Да, нет! Взял работать на пароход дальнего плавания. И не только его. «...В нынешнем году по решению

правительства на корабли советского торгового флота открыт доступ подросткам. Во Владивосток из различных городов страны приехали сотни ребят. Приходя в Управление Пароходства, каждый из них настойчиво заявлял: — «Хочу быть моряком!»

И вот... «...Юнга Гулевский плавает всего семь месяцев, но за это время он уже получил право стоять у руля». В 11 лет!

«...Ребята работают на палубе, в машинном отделении, несут вахту на рубке...»

Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство!

Из цитируемой нами заметки Н. Загородного (московские «Известия» № 306) ясно видно то безнадёжное положение с рабочими кадрами, в котором находится сталинский режим, бесцельно и безжалостно уничтоживший в войне миллионы человеческих жизней.

Вл. Берг.

РАЗЫСКИВАЮТСЯ:

- ВАСИЛЬЕВА**, Анна Ивановна (жена) 1918 г. р. (сыновья) Алексей Ильич, 1934 г. р., Евгений — 1937 г. р. и Анатолий — 1941 г. р. из Холмского р-на. Сообщить: Васильеву, Илье Андреевичу, Вольмарский уезд, Набелской вол., усадьба Пенкас, пос. Набе.
- ДОРОХОВ**, Вас. (муж) 1912 г. р. из Леа обл., Старо-русск. р-на, дер. Ужич. Сообщить: Литва, Шимонис уезда, дер. Натюны, Дороховой, Параскеве.
- МИСУРАГИН**, Кондр. Петр., 1917 г. р. (сын) из г. Витебска. Сообщить: Мисурагину, Петру Титовичу, в газ. «За Родину».
- КУТЬИНА**, Евгения (дочь) с детьми из дер. Кожино, Ново-сокольск. р-на. Сообщить: Кутьину, Федосию, Литва, гор. Тауроген, Баракки беженцев.
- ВЛАСОВЫ**, Павел Алекс. (отец) 75 лет, Наталия Васильевна (мать), Александра (сестра) 1916 г. р. из г. Порхова, Ленингр. обл. Сообщить: Власову Алексею, Litaunen, Schaulen Eisenbahnausbesserungswerk.
- ИВАНОВ**, Ив. Ив. (брат), 1894 г. р., Анна Григорьевна (жена) 1894 г. р., и Леонид Ив. (сын) 1924 г. р. из Лен. обл., Славковского р-на, дер. Красная Лука. Сообщить: Иванову, Василию, Litaunen Amt. Schaulen Dorf kairu bei Schurauskas Antanos.
- МАЛАФЕЕВ**, Александр Андр. (сын) 1918 г. р. и Надежда (его жена) с сыном Казимиром из г. Пскова, Лен. обл. Сообщить: Litaunen Schaulen Elektrosität Werk Balschny.
- ЛЕКСИКОВА**, Анна (сестра) 1906 г. р. с детьми: Екатериной — 12 л., Верой — 10 л., Надеждой — 8 л., Раисой — 5 л. и Лексикова, Мария, 21 г. (племянница) с сыном Виктором из дер. Любань, Дятьковского р-на, Орловск. обл. Сообщить: Гарюшиной, Марии, Litaunen Kreis Schaulen Dorf Werduyuki.
- ВОРОНИНА**, Зинаида Алексеевна (жена) 1924 г. р. Сообщить: Лобасову, Василию, в газ. «За Родину».
- ЕРМАЧКОВА-АЛЕКСЕЕВА**, Нина Алексеевна (жена) 1926 г. р. из дер. Бубья, Дедович. р-на. Сообщить: Ермакову, в газ. «За Родину».
- КУЗНЕЦОВА**, Евдокия Ивановна (жена) 1906 г. р., сын Николай Алексеевич 1926 г. р., дочь Анна 1929 г. р., мать Устинья Кондратьевна, 1860 г. р. из дер. Устькибы. Сообщить: Кузнецову, Алексею в газ. «За Родину».

- ЛАРИНА**, Антонина Васильевна, 1911 г. р. (жена) и сын Владимир, 1936 г. р. из дер. Высоково, Уторгошск. р-на. Сообщить: Ларину Георгию, в газ. «За Родину».
- САРВИ**, Серафима Ивановна (жена) 30 л., дочь Нонна — 10 лет и сын Герман — 5 л. Сообщить: фельдфебелю Гирцуну, в газ. «За Родину».
- АЛЕКСЕЕВА**, Устинья Ив. (мать) 42 лет из Лен. обл. Сообщить: Алексееву, Ив. Анисим., Рига, Шампетер штр. 36, ф-ка «Диона».
- ВАСИЛЬЕВЫ**: Федосия Андреевна 1922 г. р., Ксения Андреевна 1924 г. р., Петр Андреевич 1926 г. р. (сестры и брат), **ЯКОВЛЕВА**, Ирина Андреевна (сестра) 1908 г. р., **ДЮКОВА**, Анна Андреевна (сестра) 1917 г. р., **ЧЕРНОВ**, Емельян Иванович, 45 лет, из Лен. обл. Сообщить: Васильеву, Федору Андреевичу, Рига, Шампетер штр. 36, ф-ка «Диона».
- ГРИГОРЬЕВА**, Екатерина 18 лет из Лен. обл. Сообщить: Григорьеву, Евдокию, Suniāni pag. «Cikuros».
- ПРОЛЕТОВ**, Иван Константинович из Калин. обл. Сообщить: Пролетову, Наталье Васильевне, Латвия, Болдеря, лагерь беженцев.
- БОРИСОВА**, Акулина Яковлевна, 75 лет из Лен. обл. Сообщить: Борисову, М. П., Latvija, Asties Bagus Astie.
- ВАСИЛЬЕВЫ**: Илья Алексеевич (муж) 1895 г. р., Николай Ильич (сын) 1926 г. р. из Лен. обл. Сообщить: Васильеву Марию, Latvija, Kreis Zwardes Lauweschien.
- МЕДВЕДЕВЫ**: Зинаида Егоровна, 1922 г. р. и Надежда Егоровна 1920 г. р. (сестры), из Калин. обл. Сообщить: Смирновой, Варваре Егоровне, Латвия, ст. Кокнесе, Кокнесекая вол., усадьба «Гайдас».
- ПЕТРОВ**, Вас. Вас. (сын) 1924 г. р. из Лен. обл. Сообщить: Петрову Вас. Петровичу, Latvija, Malpils Kapnenieki.
- ЛЕБЕДЕВА**, Тамара Михайловна, 17 лет из дер. Пески, Порхов. р-на, Лен. обл. Сообщить: Сергею Степану, Литва, Шаули, Железнодорожная 12.
- ТОЛКНОВА**, Надежда, 1914 г. р., (дочь) с детьми. Сообщить: Власовой, Марии, Литва, Шаули, лагерь беженцев.
- ПЕЛИН**, И. В. (сын). Сообщить: Пелину Василию, Литва, Шаули лагерь беженцев.
- АМЕЛИНА**, Евдокия Матвеевна (мать) из Старорусского р-на, дер. Вересково. Сообщить: Морозовой, Клавдии, дер. Молупно, Таурогенского уезда, вол. Батакля, Литва.
- МИХАЙЛОВ**, Дмитрий Кириллович (брат) 1927 г. р. из Лен. обл. Кингиссеп. р-на, дер. Нахково. Сообщить: Федоровой, Нине, п. п. н. Ланцинский. п. я. 100.

- ЕВСТРАТОВЫ** (братья): Ефим Сергеевич, Александр и Анатолий Ефимович, из Смол. обл. Спас-Деменского р-на. Сообщить в газету «За Родину».
- ЕВСТРАТОВ**, Николай Акимович, (брат) из Смол. обл. Спас-Деменского р-на. Сообщить: Евстратову Михаилу Акимовичу, в газету «За Родину».
- МИХАЙЛОВА**, Праск. 70 лет (мать) и внук Степанов, Викт., 6 лет из Лен. обл., Белебелск. р-на, дер. Зимник. Сообщить: Литва, Волкоморский уезд, Попатерская почт. ст. Саткуны, Суворовой, Евдокии.
- ВАСИЛЬЕВ**, Егор (сын) 1917 г. р. из Лен. обл., Белебелск. р., д. Зимник. Сообщить: Литва: Волокоморский уезд, Попатерская почт. ст. д. Пупкули, Стрелину, Павлу.
- СТРЕЛИНА**, Мария (дочь) 1923 г. р. из Белебелск. р.-Ленингр. обл. д. Зимник. Сообщить: Литва, Волкоморский уезд, Попатерская почт. ст. д. Пупкули, Стрелину, Павлу до востребования.
- СТРЕЛИНА**, Екатерина (сестра) 1920 г. о. из Белебелковск. р., Лен. обл. д. Зимник. Сообщить: Литва, Волкоморский уезд, Попатерская почт. ст. д. Пупкули, Григорьеву, Дмитрию.
- МАКАРОВ**, Василий (сын) 1925 г. р. из Светогория, Лен. обл., Старорусск. р. Сообщить: Надежде Макаровой, Попатерская почт. ст. Литва.
- ПАВЛОВ**, Николай (муж) 1919 г. р. из дер. Стабия, Молвотек. р., Ленингр. обл. Сообщить: Тимофееву, Татьяне Серг., Литва, Попатерск. почт. ст.
- СТРЕЛИНА** Устинья, 27 лет (невестка) с детьми: Тамарой 3-х лет и Иваном 2-х лет из Ленингр. обл., Белебелск. р. д. Зимник. Сообщить: Литва, Волкоморский уезд, Попатерская почт. ст. д. Саткуны.
- ИВАНОВЫ**: Федосия Яковл., 65 лет, Анна Яковл., 16 лет, Дарья Яковл., 13 лет, Петровна: Нэля, 4-х лет и Анатолий, 2-х лет. Сообщить: Ивановой, Марии Яковл., г Рига, Ликснаас ул. д. 26, кв. 4, Титовой, Марии.
- ГАВРИЛОВЫ**: Матвей Гаврилович 75 л., Иван Матвеевич, 1909 г. р., Надежда Ефимовна, 1909 г. р., Валентина Ивановна, 1939 г. р. Сообщить: Редикову, Алексею Ивановичу, в ред. газ. «За Родину».
- КУЗНЕЦОВ**, Сергей Никол. (муж) 1913 г. р. Сообщить: Кузнецовой, Ксении, Латвия, Vecumnieki pag. Mazuleinieki.
- ФЕДОРОВА**, Анаст. Степан. (сестра) с сыном Виктором и Федоровой, Петр Федор. и Анаст. Петр. Сообщить: Яковлевой, Марии, Латвия, Vecumnieki pag. Upenieki m. Lauksaim. В. А.

- ГРИГОРЬЕВА**, Ольга Андр. (сестра) из деревни Хривичи, Ленингр. обл., Волосовск. р-на. Сообщить: Егоровой, Клавдии Андр. Subata, Liksties agr. Grodes pag. «Maigros».
- ФЕДОРА**, Вера Михайл. (дочь), 1911 г. р. из Шумьей Гора, Карамышевск. р-на. Сообщить: Зориной, Ани Семеновне, Рига, Likstas iela 26-6.
- АКСЕНОВЫ**: (сестра) София Матв., 1889 г. р. с племян., Антонией Михайл., 1923 г. р. и Лидией, 1929 г. р. из Витебска, Тригубская ул. № 33. Сообщить: Байковскому, Георгию, Литва, Ковно, Яновская ул. № 228.
- САМСОНОВ**, Михаил Александрович 1925 г. р. из Ленингр. обл., Мгинского р-на, дер. Березовка. Сообщить: Самсонову, Sabile Valgales Avotini.
- КОРНЫХОВСКИЙ**, Дмитр., 1880 г. р. из Ленингр. обл., Карамышевского р-на, дер. Б. Загорье. Сообщить: Корныховской, Агафье Александровне, Латвия, Sigulda до востребования.
- БОГДАНОВ**, (сын) Иван Михайл., 1907 г. р. из Старорусск. р-на. Сообщить: Богданову, Елене, Литва, гор. Тауроген, Беженские баракки.
- ЕГОРОВА**, Пелагея, 37 лет с детьми Валентиной и Николаем из Порховск. р-на, Ленингр. обл. и Никитина, Лидия, 20 лет, из дер. Каменка, Выречского р-на, Ленингр. обл. Сообщить: Никитиной, Елене, Litaunen, Kreis Schaulen, Dorf Galaitshi Bei Rybakowa.
- Родственники. Сообщить **ТЕРЕБИНУ**, Петру Андреевичу, в ред. газ. «За Родину».
- ХИШОВА**, (мать) Ирина Гавриловна, 50 лет, из дер. Шур, Волотовск. р-на, Ленингр. обл. Сообщить: Жигановой, Антонине, Litaunen, Schaulen Bahnmeisterei Kauenstr.
- ЯКОВЛЕВ**, Василий и Пензин, Алексей Ондрич, Алексей с семьей, Лобачев с семьей. Сообщить: Корольковой, в ред. газ. «За Родину».
- ТРОФИМОВ** (сын) Николай Александр. из Невельск. р-на, дер. Каменка. Сообщить: Трофимовой, Марфе, Литва, Таурогенск. уезд, Таурогенск. вол., дер. Памяляние.
- ИВАНОВ**, Сергей Васильевич, 1910 г. р., из Постошникск. р-на. Сообщить: Ивановой, Надежде, Литва, г. Тауроген, Баракки беженцев.
- ПРЕСНЯКОВ** (муж) Федор Емельянович 1915 г. р. Сообщить: Пресняковой, Марии, Литва, Таурогенского уезда, Таурогенск. вол., дер. Куиси.
- СУСЛОВЫ**: (сыновья) Дмитрий и Василий из Невельского р-на, дер. Савино. Сообщить: Сусловой, Александре, Литва, Таурогенский уезд, Таурогенская вол., дер. Петканчи.

- СВИНЦОВА**, (сестра) Анна Васильевна, 1921 г. р., из Невельского р-на, Герасимовы: Васил. (отец), Дарья (мать) и Василий (брат) из Великих Лук. Сообщить: Васильеву, Анастасию, Литва, Таурогенский уезд, Таурогенская вол., дер. Куиси.
- МАЗАЛЕВЫ**: Тимофей, Пелагея и их дети: Александр, 1925 г. р., Иван, 1928 г. р., Петр, 1934 г. р., Григорий, 1938 г. р. из гор. Могилева. Сообщить: Погуляевой, Вал. Litaunen, Schaulen «Gubernija», Flächtinglager Barak 10. W. 4.
- ПУГЛЯЕВЫ**: Ксения, Матвей и Иван (братья) и Сквородина, Татьяна (сестра) из Невельск. р-на. Сообщить: Пугляеву, Митрофану, Литва, гор. Тауроген, ул. Доциони, дом Пуставас Липкус.
- ШУЛЬЦ**, (сын), Василий, 1927 г. р. из дер. Черемыкино, Краснос. р-на, Ленингр. обл. Сообщить: Шульцу, Николаю Litaunen, Kreis Schaulen Amt Pakroj, Dorf Klawane.
- Родные и знакомые: Сообщить: **СЕМЕНОВУ**, Григорию Семен., 1875 г. р., из Красносельск. р-на Litaunen, Krottingen ger Bljutci.
- ШЕЛУХИНА**, Параск. Ивановна, 49 лет, из д. Любоничи и Тимофеева, Татьяна Владимировна, с детьми, из дер. Мокрицы, Батецкого р-на. Сообщить: Титовой, Верс Кузминой, в ред. газ. «За Родину».
- ЛОНУХОВА**, Анна Яковл., 1896 г. р. (сестра) из Н.-Сокольск. р-на. Сообщить: Смирновой, Александре, Литва, Таурогенский уезд, вол. Жиганчи, дер. Жиганчи.
- БОГДАНОВА**, Домна Терент., 66 лет (мать), из Невельского р-на, дер. Рябиновка. Сообщить: Михельсон, Екатерине, Литва, Таурогенский уезд, вол. Жиганчи, дер. Жиганчи.
- СУРИКОВА**, Ирина Григорьевна, с детьми: доч. Ефросиния и сын Анатолий из Смоленской обл., Сафоновоского р-на. Сообщить: Сурикову, Литва, Радвилышки, Барак Торфоразработок.
- ФЕДОРОВА-АЛАБИНА** (дочь) Мария Федор., 1917 г. р. из Псковской губ., дер. Горки. Сообщить: Федоровой, Марии, Литва, Вилковирский уезд, дер. Пасодос.
- БАРАНОВЫ**: Лидя и Нина из Невельск. р-на. Сообщить: Барановой, Меланье, Литва, Таурогенск. уезд, вол. Гауре, д. Двор вичи.
- ФИМОВ**, Иван Дмитриевич (отец) 1894 г. р. из Луги. Сообщить: Ефимовой, Валентине, Lettland, Barbeles pagasta, Gedoln...

Будущие историки советского владычества в России, несомненно, обратят внимание на то обстоятельство, что с первых же месяцев революции 1917 года началось массовое бегство населения из «страны победившего социализма», бегство, продолжавшееся уже двадцать седьмой год.

Эта утечка населения не была равномерной: иногда она принимала характер гигантских волн, как, например, в 1919-20 г. г., иногда превращалась в еле заметное, но беспрестанное просачивание. Несмотря на то, что советские рубежи охранялись самым тщательным образом вооруженными до зубов пограничниками-энкаведистами, утечка населения через эти рубежи не прекращалась ни на один день. Переходили границу поодиночке, группами, целыми селами, отрядами, полками и огромными армиями, пешком, ползком, в челноках, на рыбацких баркасах, на океанских пароходах и военных кораблях, через реки, озера и моря, через тундру и тайгу, безводные степи и пустыни. Бежали в Прибалтийские страны, в Румынию, Турцию, Персию, Манчжурию, Японию. Снимались с насиженных мест и уходили на чужбину, в неизвестность, предпочитая горький хлеб изгнания еще более горькому советскому хлебу. Бежали русские и калмыки, татары и черкесы, казаки и горожане, богачи и бедняки. Еще ни один политический режим не вызывал такого массового бегства из родной страны, какое наблюдалось в последнюю четверть века в России.

Вместе с тем бросалось в глаза то характерное явление, что, за исключением международных паразитов-евреев, а также горсточки коммунистов и большевиков других национальностей, никто не бежал в СССР из граничащих с ним стран. Финны и эстонцы, латыши и литовцы, поляки и румыны, персы и турки оставались на своих местах и не выказывали никакого желания противопоставить беспрестанному наплыву беженцев в

ВЕЛИКИЙ ИСХОД

свои страны — переселение в «счастливый и богатый» Советский Союз. Никто не хотел заселять и колонизовать русские земли, хотя до «Великого октября» такое переселение проис-

ходило в широких масштабах и чужеземцы покрывали русские просторы богатыми, цветущими колониями.

В результате первой огромной волны беженцев 1919-20 годов и последовавшего затем медленного, но бес-

У нового жилища

престанного просачивания беженцев сквозь рубежи Советского Союза, возникла двухмиллионная, раскинувшаяся по всему свету, Зарубежная Россия, состоявшая преимущественно из образованной верхушки русского народа.

В этом была культурная сила Русского Зарубежья, но в этом заключалась и его политическая слабость. Русская эмиграция как бы представляла подлинную национальную Россию, но только один ее слой — городской, образованный. Исключение составляло только казачество. Крестьяне же и рабочие, в силу ряда причин, не эмигрировали, остались в России.

Враги эмиграции — большевики — любили подчеркивать это обстоятельство. Они обычно указывали на то, что русская эмиграция состоит из вождей без масс, лидеров без партий, генералов без солдат, учителей без учеников и писателей без читателей, иначе говоря — оторвана не только от страны, но и от народа.

В этом была безусловно доля правды. Потому, будучи по своему составу высококачественно, блистая такими именами, как Бунин, Куприн, Зайцев, Шмелев, Бальмонт, Амфиатров, Мережковский, Рахманинов,

Черепнин, Гречанинов, Шалапин, Смирнов, Лифарь, Рерих, Коровин и так далее, знакомя весь свет с лучшими достижениями русской культуры, эмиграция не сыграла за минувшее двадцатилетие никакой серьезной политической роли, не создала ни одной партии, ни одной программы, которые могли бы стать партией и программой широких масс русского народа. По этой причине эмиграция была бельмом в глазу у большевиков, была неприятна им, но не страшна, не представляла засевшему в Кремле Коминтерну никакой серьезной угрозы.

Однако, последние годы внесли в Зарубежную Россию много нового. Опять, после перерыва в двадцать слишком лет, хлынули гигантские волны беженцев. Снова началось массовое бегство из СССР — и это после 25 лет революции, когда, казалось бы, в стране должны остаться одни только трудящиеся. — причем стихийно покидала свою родину и молодежь, родившаяся и выросшая в советскую эпоху. Нужно было только рухнуть китайской стене, отделявшей Россию от Западной Европы, как новые потоки беглецов неудержимо хлынули на Запад. Жители русских городов, пожелавшие работать на немецких фабриках и заводах; крестьяне, бросившие свои насиженные места, чтобы не попасть опять под сталинское колхозное ярмо; красноар-

мейцы, отказавшиеся проливать кровь за ненавистный им режим и перебежавшие на сторону немцев. — все это подлинно-народная стихия, которая не только значительно увеличила население Зарубежной России, но и влила в нее свежую струю народной крови.

Благодаря этому, антисоветская эмиграция потеряла свой классовый характер, стала народной в самом широком смысле этого слова. Такая эмиграция — уже серьезная угроза для большевиков, тем более серьезная, что в рядах ее находится множество молодых добровольцев — цвет русской нации, — борющихся с оружием в руках против сталинских oprичников и их союзников.

Великий русский исход, длящийся уже 27-ой год, еще не закончился. Он закончится лишь тогда, когда прольет последний час преступного сталинского режима.

С. Любичский.

На новые места

ИЗ РУССКОЙ СТАРИНЫ

Нижегородский губернатор Баранов известен был, как грубый начальник, но за внешней грубостью сплошь и рядом скрывался здравый народный смысл и чисторусская прямолинейность. Когда в Нижнем-Новгороде начались заболевания холерой и один мещанин стал распространять слухи, что доктора нарочно морят больных, — губернатор Баранов приказал тут же его забрать и в наказание... послать на работу санитаром в холерный барак, сказав ему при этом:

— Окунувшись башкой в правду — перестанешь врать!

Крепостное право было тем злом, против которого всегда поднимали свой голос лучшие русские люди. Известный славянофил Иван Аксаков в 1849 году с беззаветной откровенностью писал в одном своем докладе, который, он знал, неминуемо попадет в руки императору Николаю I:

«... Дворянство совершенно оторвалось от народа, присвоив себе право не верить в Бога, когда народ верит; не соблюдать уставы церкви, соблюдаемые народом; не знать языка, которым говорит народ; забыть свою историю и предания и смотреть

на народ только как на удобный материал к извлечению из него доходов...»

Против этих слов император Николай I написал на полях:

«Справедливого много, хотя, слава Богу, не в общем применении.»

«... Говорю откровенно, — писал дальше И. Аксаков, — противно мне смотреть на какого-нибудь износившегося в пустой и развратной жизни франта, владетеля десятков тысяч душ крестьян, которые в поте лица работают крохотку и усердно на удовлетворение безудержной роскоши своего господина.»

Подчеркнув в этом месте слова: «противно мне смотреть», Николай I написал против них: «Очень понятно!»

Что бы сказал или написал теперешний «самодержец» Иосиф Джугашвили, если бы к нему попал подобный доклад, направленный в защиту русского трудового народа? Бесплезно гадать об этом: вряд ли кому из подсоветских людей, находящихся в здравом уме и твердой памяти, могла прийти в голову такая мысль!

А ведь со времен описанного выше исторического факта прошло уже, без малого сто лет!

На запад

Модест Петрович Мусоргский

(К 63-ей годовщине со дня смерти—28 марта 1881 года)

«Скоро на суд... Бодро, до дерзости смотрим мы в дальнюю музыкальную даль, что нас манит к себе, и не страшен суд. Нам скажут: «Вы попрали законы божеские и человеческие». Мы ответим: «Да, и подумаем: «то ли еще будет!» Про нас прокарают: «Вы будете забыты скоро и навсегда!» Мы ответим: «Нет, и нет, мадам!»

Так писал Мусоргский 2 (14) февраля 1837 года Стасову, накануне первого исполнения на сцене Мариинского театра в Петербурге трех сцен из его «Бориса Годунова». И действительно, какой грязи ни лили на композитора, как ни издевались над его

М. П. Мусоргский — И. Е. Репина

творчеством! Даже такие изумительные композиторы, как Серов, называли его «разрушителем», «самохвалом - интригантом». Неподлинное его творчество публикой, привыкшей к шарманочному благоуханию Оберво и Сен - Сансов, Беллини и Гавени; наконец, игнорирование его опер театрами и сцен — предкам — вот творческая

биография Мусоргского. И вместе с тем безудержное новаторство; героические поиски новых, неисхоженных путей в искусстве; вечный лозунг: «вперед к новым берегам!» Эти поиски правды в искусстве, прелельной выразительности музыкальной фразы, новых способов передачи густого драматизма и музыкальный юмор — все это зазвучало у Мусоргского так, как до него ни у кого не звучало.

Он многое задумывает, начинает, но бросает неоконченными: опера «Эдип», «Саламбо», «Женитьбу». Не заканчивает ни «Хованщина», может быть, лучшего своего произведения, ни «Сорочинской ярмарки». Все оставшееся после его смерти, кроме народной музыкальной драмы «Борис Годунов» было в хаотическом состоянии. Его друг Римский-Корсаков, проделавший громадную работу по приведению в порядок наследия Мусоргского — по редактированию его произведений, их окончанию («Хованщина», напр.) и оркестровке, пишет о наследии Мусоргского: «Все это было в крайне несовершенном виде: встречались нелепые, бессвязные гармонии, безобразное голосоведение... в общем какой-то дерзкий самоумный дилетантизм, порою моменты технической ловкости и умелости, а чаще полной технической немощи. При всем том... сочинения эти были так талантливы, своеобразны, что много внесли нового и живого».

Да, гениальность — и порою техническая беспомощность; необычайная взволнованность творческого дыхания — и иногда тусклая оркестровка; крайний трагизм, напряженность музыкального языка — и — нередко — растрепанность формы. Но через край бьющая гениальность и своеобразие, высокая духовность и национально - идеалистический пафос. Это — Мусоргский.

И таков же облик этого умирающего в солдатской больнице от белой горячки композитора, спившегося, растрепанного, полу-безумного, оставшегося ниим в знаменитом портрете Репина.

Но исполнители и другие пророчество Мусоргского: он не забыт. Нет! С каждым годом растет во всем мире слава русского

гения, и звучит во весь голос его призыв сейчас, в Новой Европе, к новым берегам свободного, мощного, народного искусства!

И вечно будет дорог России и миру растрепанный и несуразный, иногда технически несовершенный, но обязательно - глубокий, человеческий и духовно - высокий гений «Мусорянина», — как называли его друзья, — и особенно он дорог нам теперь, в годы великих исторических испытаний, своей иступленной, горячей и неуёмной любовью к родному страдальцу — народу, к родине к Руси!

Борис Филистинский.

Ф. СОЛОГУБ

Я люблю весной фиалки
Под смеющейся росой,
В глубине зеленой балки
Я люблю итти босой.

Забывая пыль дороги
И лукавые слова,
Высоко открывши ноги,
Чтоб ласкала их трава.

Опустившись по ложбинкам,
Через реку в брод брести,
Выбираться по тропинкам
На далекие пути,

Где негаданны и новы,
Как заветная земля,
И безмолвные дубровы,
И дремотные поля.

Всеобщий любимец

Почтальоны, врачи и альпинисты

Если вы спросите почтальона, ежедневно разносящего письма адресатам, или районного врача, целый день занятого посещением пациентов, совершали ли они восхождение на Монблан, — они, конечно, удивятся такому вопросу. Между тем, вы легко можете доказать каждому из них, что, не будучи альпинистами, они наверное уже совершили восхождение на высоту, даже превышающую вершину Альп. Стоит только подсчитать, на сколько ступеней поднимается почтальон ежедневно, восходя по лестницам для разноски писем, или врач, посещая больных. Окажется, что самый скромный почтальон, самый занятый врач, никогда не помышлявшие о спортивных состязаниях, побивает мировые рекорды горных восхождений.

Возьмем для подсчета самые скромные средние цифры. Допустим, что почтальон ежедневно посещает только 10 человек, живущих кто на втором этаже, кто на третьем, четвертом, пятом — а в самом доме

на третьем. Высоту третьего этажа примем, для круглого числа, в 10 метров; следовательно, наш почтальон ежедневно совершает по ступеням лестниц путешествие на высоту в 100 метров. Высота Монблана равна 4800 м. Значит, наш почтальон совершает восхождение на Монблан в 48 дней.

Итак, каждые 48 дней, или примерно 8 раз в год, почтальон поднимается по лестницам на высоту, равную высочайшей вершине Европы. Скажите, какой спортсмен ежедневно по 8 раз взбирается на Монблан?

Что касается врача, то имеются не предположительные, а реальные цифры. Подсчитано, что в среднем каждый районный врач за свой рабочий день поднимается к больным на 250 ступеней. Считая высоту ступеньки равной 15 см. и взяв 300 рабочих дней в году, получим, что за год врач поднимается на 112 км., т. е. совершает 20 раз восхождение на высоту Монблана.

Н. Волков